

АКТ ВТОРОЙ
КУКУШКА

НА

СУКУ

СЕРГЕЙ

SKOLORUSSOV

16+

Сергей Skolorussov

Кукушка на суку. Акт второй

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Skolorussov С.

Кукушка на суку. Акт второй / С. Skolorussov — «ЛитРес:
Самиздат», 2020

Словно вцепившись в ножку циркуля, главный герой книги нарезает круги жизненного пути. Путешествие по пустыне. Катастрофа. Смерть человека. Выхода нет. Надежда на спасение. Пустыня. И снова смерть. И снова тупик. И снова надежда. Круги ада Фёдора Лемешева. Пустыня, пустыня, пустыня... Как вырваться из замкнутого круга?

Содержание

Kilmanda – no pasaran!	5
Эпизод семнадцатый	6
Начинается...	6
Эпизод восемнадцатый	10
На дне ущелья	10
Эпизод девятнадцатый	17
В краю аспидов	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Сергей Skolorussov

Кукушка на суку. Акт второй

Kilmanda – no pasaran!

*Сидит кукушка на суку,
Руки-крылья потирая:
Хоть убейте – не скажу,
Где, «ку-ку», ключи от рая.*

Эпизод семнадцатый

Начинается...

Она мне не понравилась сразу. Бывает так: увидел девушку и сразу проникся к ней симпатией. Если уж не с планами сделать её своей пассией, так хотя бы просто для приятного общения. А эта мне сразу как-то бр-р-р, вообще никак. Полное отторжение всеми фибрами моего молодого организма. Я говорю о девушке, которая появилась в аэропорту вместе с Мариной Юрьевной. Мы вылетали из Шереметьева. Я приехал из Питера заранее, поэтому долго без дела болтался в аэропорту. Возможно, именно этот факт стал причиной моего плохого настроения.

– Знакомьтесь: это – Фёдор, это – Виолетта.

Ну, да, Виолетта, кто же ещё? И имечко под стать моей негативной реакции. Хм! Поди ещё, Виолетта Хрякина какая-нибудь.

Виола была одета в практически белый с розовым оттенком брючный костюм, густо покрытый мелкими блестящими гламурными сердечками. Брючки доходили до щиколоток, не скрывая модные красные туфли на высоком каблуке.

– Очень приятно, – улыбнулась Виолетта ярко накрашенными губами.

Она была худой, стройной и высокой. Чуть ниже меня. Лицо, насколько можно было разглядеть под ярким макияжем, вполне симпатичное. Пожалуй, если бы я был нашим создателем, глазки бы сделал чуть пошире. А так, множество парней назвали бы её привлекательной. Но только не я.

Не удосужившись на ответную любезность, я безразлично отвернулся в сторону. Марина саркастически оглядела меня с ног до головы, выдержала большую театральную паузу и резюмировала:

– Ну, вот: главные герои в сборе. Можно идти на регистрацию.

«Главные герои»? Ни фиги себе! Это и есть моя партнёрша? Фу! Впрочем, это же не на всю жизнь. Надеюсь, лирическая тема там не основная. Да уж... И желательно, чтобы в постельных сценах участвовала дублёрша. Я не смог сдержать свою антипатию:

– И где наша звезда снималась? Я что-то не припомню, чтобы она попадалась мне на глаза.

Сухарецкая сразу почувствовала мою иронию в отношении к Виоле:

– Ничего страшного, ты-то у нас тоже стартанул без послужного списка. Не боги горшки обжигают. Любую звезду надо кому-то зажечь. Этот процесс называется дебютом.

– Ну-ну, – только и проворчал я в ответ.

Меня эта новость вывела из-себя. Буквально взбесила. Взбесила неожиданно сильно. Неожиданно не только для себя, но и для Сухарецкой. Виола вмиг потеряла для меня даже те немногие достоинства молодой девушки, которые я минуту назад воспринимал вполне благосклонно. Видимо, все эти эмоции отразились на моей физиономии. Марина Юрьевна даже остановилась:

– Ты чего, Фёдор? С тобой всё в порядке?

Я попытался взять себя в руки:

– Вполне.

– Нездоровится?

– Всё в порядке. Я здоров. Мне кажется, что я самый здоровый в нашем дурдоме, который называется российским кинематографом.

– Ты о чём? – острые иголки сурового взгляда Сухарецкой пробежали по моему лицу.

- Ни о чём, Марина Юрьевна. Так просто. Ни о чём.
- Нет, Солнце моё, раз уж сказал «а» говори и «б». Чем ты так недоволен?
- Всё нормально, всё нормально, – я развёл руками и слегка улыбнулся.

Но видимо в улыбке моей было больше сарказма и язвы, нежели примирения и доброты. Виола сверкнула глазами и поджала губки. Она почувствовала и поняла, что моё недовольство – камень в её огород. Ладно, хоть не дура. И то хорошо.

– Своё плохое настроение нужно оставлять дома. Это закон для всей съёмочной группы. Иначе никак! И уж тем более: не портить нам настроение перед полётом. Впрочем, выскажись лучше сейчас, а не в воздухе.

– Особо не о чем высказываться.

– И всё же?

– Можете не обращать на меня внимание. Вы же знаете, что у меня теперь металлическая пластина в голове. Видимо она начинает давить на мозг по мере приближения металлоискателя. Что так смотрите на меня? В аэропортах теперь нет металлодетекторов?

– Солнце моё, я тебя знаю, как облупленного. Не юли.

– Ладно, проехали. Впрочем, хотите правду? Она проста! Мне всегда было интересно, как такие красавицы, как Виола, попадают в «фабрику грёз»? Да ещё на главные роли. Бух! Раз! И ты звезда. Где этот лифт находится?

Сухарецкая только ухмыльнулась:

– У-у-у, Федя! Да ты дурак, оказывается. Чужими лифтами интересуешься, а свой ломаешь. Ну, всё, надоел. Успокоился?

Далее она ввела нас в курс ближайших планов. Летели мы в Казахстан. А точнее на полуостров Мангышлак. Там нас ждала съёмочная группа во главе с Валерием Сергеевичем. В жаркой казахской пустыне должны были пройти натурные съёмки нового фантастического блокбастера с рабочим названием «Затерявшиеся в Млечном пути». Сюжет ленты особо ничем не выделялся среди подобной голливудской продукции. Звездолёт-разведчик, странствующий по вселенной в поисках внеземных цивилизаций, терпит кораблекрушение на обитаемой планете. В результате столкновения с чуждым неизведанным миром, гибнет практически весь экипаж. Выживают только двое: он и она. Вы, несомненно, догадались кому эти роли были уготованы. Продюсером фильма выступал уроженец Мангышлака. Главным условием он выдвинул съёмки природы в Западном Казахстане, многие каменные долины которого напоминают марсианские пейзажи.

– Так, друзья мои, засуньте свои амбиции куда подальше и займитесь, в конце концов, работой, – Сухарецкая протянула каждому из нас по красной кожаной папке. – Здесь сценарий и все необходимые документы, с которыми вам надо ознакомиться.

Виола взвесила в руке пухлую папку и надула губки:

– Мы в Совке живём? Файлом это никак нельзя было мне перекинуть?

– Нельзя, радость моя. И папку эту не потеряй и не показывай никому.

– Это почему? – «звезда» округлила свои не очень большие глазки.

– Кругом шпионы и пираты. Я отвечаю за конфиденциальность процесса и мне лишние проблемы не нужны. Понятно? – Марина в конце речи резко повысила свой голос.

Девушка слегка скривила губы, пожалала плечиками и согласилась:

– Understand.

– Вот и океюшки, – в тон ей парировала администратор съёмок. – Чтобы по прибытии в Казахстан свои роли знали назубок и лишних вопросов на съёмочной площадке не задавали. Если что-то непонятно, спрашивайте сейчас.

Из Москвы мы вылетели в 10 часов вечера на Суперджет 100. Виола опять умудрилась высказать своё «фи», помноженное на непомерный апломб:

– Дикость какая! Это какой болван заказывал нам билеты?

– «Болван» — это я, – Сухарецкая, как всегда, была неподражаема в своём спокойствии. – А что тебе, Солнце моё, не нравится?

Но будущую «звездицу» российского экрана двусмысленность ситуации нисколько не смутила:

– Ужас! Мы исполнители главных ролей. А вы, насколько я понимаю, тоже не последний человек в иерархии кинопроизводства. А летим, как обычное быдло, в эконом-классе. Да ещё и на этом жутком рашковском самолёте, которым пугают на всех форумах. Неужели нельзя было по-другому?

– У нас все так летают. Мы не депутаты, не олигархи и не VIP-менеджеры. И даже не их жёны, дети или любовницы. Мы рабочие лошади российского кино. И этим всё сказано. Садись, моя девочка, к окну, – Марина Юрьевна указала на ряд, состоящий из трёх кресел.

– Предупреждать надо, – недовольно буркнула Виола.

– А то что? Не полетела бы?

– Знала бы – не полетела. Или хотя бы у папы самолёт попросила.

– А кто у нас папик? – на всякий случай поинтересовался я.

– Кто надо. Не твоё дело, – девушка плюхнулась в кресло и отвернулась к окну.

В самолёте Сухарецкая усадила меня рядом с Виолой, а сама заняла место у прохода, как будто боялась, что мы сбежим по дороге. Но, скорее всего, это было сделано для того, чтобы мы поближе познакомились друг с другом и лучше подготовились к съёмкам. Да, уж! У Марины Юрьевны всё всегда продумано на сто шагов вперёд. Эпохальная женщина.

Я положил папку со сценарием на колени, но не стал её открывать до набора высоты. Самолёт заканчивал рулёжку перед взлётной полосой, когда я обратил внимание на бледный вид Виолы. Она вжалась в кресло и судорожно вцепилась руками в подлокотники. Всё ясно – стандартная аэрофобия. Я примиряюще попробовал пошутить, пытаюсь отвлечь девушку от тягостных ожиданий взлёта:

– Я знаю отличный многократно проверенный рецепт, чтобы не бояться летать.

Но она не переспросила: какой. Тогда я продолжил:

– Надо прочитать три раза молитву «Еси на небеси». После первого прочтения необходимо три раза перекреститься. После второго – принять три таблетки валидола. После третьего – залпом выпить три стакана вискаря. И страх как рукой снимет.

Она пренебрежительно поморщилась:

– Примитивный юмор гопников и туристов из Рашки, для которых предел мечтаний бесплатный вискарь в отелях «All inclusive».

Меня зацепило:

– О! Мне выпала честь сидеть в кресле рядом с особой голубых кровей. Ты в шёлковой рубашке родилась? Твои какашки с детства напоминали манну небесную, благоухающую одновременно «Golden delicious», «Royale dream» и «Clive Christian»?

– Отвали...

– Почему же ты, аристократочка, летишь в отечественном гопниковозе в эконом-классе, да ещё в самую что ни на есть казахскую дыру?

– Ты можешь заткнуться?

– Как скажешь. Если тебе в тишине трястись от страха легче – я безмолвен.

Но через какое-то время она сама не выдержала:

– Сам поди трусишь, а туда же.

– Ничуть. Чему быть, того не миновать. Я даже люблю летать, если моё место у окна. Просто сидишь и смотришь в иллюминатор. Это здорово – на какое-то время обо всём забываешь. Ты ни от кого не зависишь. Ты просто летишь. Порхаешь в облаках и нет никаких проблем: нет повседневности, нет работы, долгов, необязательных знакомств, зависимости от других.

– А, ну да, ты же у нас типа воздушный ас из «Мёртвой петли».

– Может быть.

Она тягостно вздохнула, слегка обозначив улыбку, предназначенную мне:

– Бокал сухого вина сейчас бы точно не помешал.

– Коньячку. И только коньячку.

– Мечты. Неисполнимые мечты пассажиров эконом-класса.

– Сейчас организуем, – я остановил стюардессу и обратился к ней: – Извините за нестандартную просьбу, будьте любезны, принесите два снифтера самого дорогого коньяка.

Она опешила, но всё же переспросила:

– Снифтера?

– Да, это коньячные бокалы так называются.

– Продажа алкогольных напитков будет производиться после взлёта, – сухо ответила стюардесса и хотела двигаться дальше по проходу.

– Тогда один. Вот для этой милой девушки. Она первый раз летит на самолёте, поэтому от страха готова отдать богу душу ещё до взлёта. Пожалуйста, – я просил предельно вкрадчиво и деликатно. – Не сомневаюсь, ангелы «Аэрофлота» могут всё. Плачу наличными.

Вид у неё был вовсе не ангельский, но всё же она нагнулась и прошептала:

– Хорошо, но принесу в разовом стаканчике, чтобы эта просьба вирусно не распространилась по всему салону.

Когда коньяк принесли, Виола немного брезгливо взяла пластмассовый стаканчик и осторожно заглянула внутрь. Удостоверившись, что внутри качественный на вид алкоголь, а не жидкость для розжига, она резко опрокинула содержимое стаканчика в рот, после чего сделала губы трубочкой и протяжно выдохнула:

– Фу-у-у...

– О, как! Оказывается «ай пью» повышен не только у гопоты, но и у некоторых представителей аристократических кругов, – сразу же подколот я.

– Ну ты и заноза, Лемешев. Никогда не думала, что ты такая вонючка.

Эпизод восемнадцатый

На дне ущелья

Самолёт приземлился в Актау уже под утро, но было ещё темно. Сплошные чёрные тучи не позволяли рассвету озарить в назначенный природой час обычно чистое казахское небо. В зале ожидания мы увидели свои фамилии на табличке, которую держал в руках круглолицый парень. Он улыбался так, как могут улыбаться только восточные люди – во всю ширь своего лица. По его луноликой улыбающейся физиономии трудно было определить точный возраст. Но в любом случае ему не было и тридцати. Он очень чисто говорил по-русски. Хотя, своеобразное построение речи и обилие встречных вопросов всё же выдавали в нём восточного человека.

– Жандар, – представился он. – «Джон», в переводе с иранского – душа. А окончание имени в переводе с казахского языка – дар. Имя означает – дарю душу всем людям. Что я и делаю в свободное от работы время.

– «Дар» и по-русски означает «дар», – удивилась Виола.

– Ай-яй-яй, конечно, мы же не только соседи, но и родственники. Казахи —предки не только казаков, но и русских.

– Чего только в жизни не узнаешь, – улыбнулась Сухарецкая.

Через пять минут мы уже стояли возле много повидавшего на своём веку японского джипа.

– Что дальше, Жандар? – поинтересовалась Марина Юрьевна.

– Вообще-то родители назвали меня Жандарбеком. Но вы для простоты общения можете звать меня созвучным русским именем. Догадались каким? Правильно: Сашкой. Так запросто и обращайтесь: Саня, отвези нас туда-то. Давайте! – всё это он тараторил, укладывая наши вещи в багажник. – Ну, Марина Юрьевна, спрашивайте: «Куда повезёшь нас, Саня?»

– Куда-ты нас, Саня, хочешь отвезти?

– О, распрекрасная женщина! Я хочу отвезти вас в самое замечательное место на земле.

– Куда это? – озадаченно переспросила Сухарецкая.

– В казахские степи.

– Куда?

Мы уже сидели в джипе: Марина впереди, я и Виола сзади.

– В степи. Туда, где табуны лошадей вытаскивают из-за горизонта широколицее казахское солнце, – Жандар надавил педаль акселератора до пола, и мы рванули с места, подпалив при этом авторезину. – Туда, где в жаркий солнечный день путнику видятся тысячи озёр. Но ничего этого нет – мираж. Туда, где мечтает родиться и умереть каждый житель этой планеты.

– Саня, отвези-ка ты нас лучше в гостиницу, – Марина устало устроилась на сидении.

– Вау! Как говорят молдаване: «Фэйсом об тейбл», что переводится: «Вы меня поставили в тупик». Так нельзя! Ехать надо!

– Мы всю ночь не спали. Выспимся и после обеда спокойно поедем знакомиться с главной достопримечательностью Казахстана.

– Ай-яй-яй! Вы чего? Я же утром уже того, в отпуске. В субботу женюсь! Вот!

Он вытащил смартфон и, не особо отвлекаясь на дорогу, сунул его сначала Сухарецкой, а затем, развернувшись назад – нам. На экране светилась улыбкой симпатичная казашка.

– Солнце моё, – Марина Юрьевна похлопала водителя по плечу и тот в ответ уставился на неё, – води машину, не отвлекайся.

– Ай! – он продолжал смотреть не на дорогу, а на пассажирку. – Не бойтесь так. Друзья зовут меня Шумахером.

– Вот это-то и страшно, – парировала Сухарецкая, отвернув ладонью его лицо в сторону дороги. – Вези нас в гостиницу, Шумахер.

– «Нихт ферштейн», – как говорят папуасы. Что в переводе на узбекский звучит так: «Моя твоя не понимайн». Зачем в гостиницу? Я вас отвезу на место. Там уже всё готово к вашему приезду: хороший ужин, мягкая кровать. Что ещё нужно, чтобы быть счастливым?

– А сколько туда ехать? – поинтересовалась Виола.

– Ай! Ерунда! Полчаса.

– Так мало? – удивилась девушка. – Тогда я согласна.

– Это на вертолёте, – Жандар был доволен, что его шутка прошла, – а по дороге три часа езды. Но вы не беспокойтесь: я вас доставлю за два.

– Нет, вот этого не надо. Ты нас угробишь, – в голосе Марины появились строгие нотки. – В гостиницу, я сказала.

Водитель тормознул у обочины и вновь уставился на Сухарецкую, цокая языком и слегка покачивая головой:

– Да не беспокойтесь вы так. Я никогда не нарушаю правила. Знаете, какие у нас гаишники? Это «шайтан орда» – голыми оставят, если что. Я буду ехать, как положено. Просто срежу путь. Я здесь все верблужьи тропки с детства знаю.

– В гостиницу.

– Ну вот, что заладила: в гостиницу, в гостиницу. Можешь войти в моё положение? – Саня незаметно для самого себя перешёл на «ты». – Один раз женюсь. По любви. У нас свадьба – это не просто маленький сабантуйчик. Казахская свадьба – это общенародное торжество. Я сейчас уже не сплю. А в ближайшую неделю вообще спать не буду. Надо всех родственников пригласить, всё приготовить. Гостей будет почти тысяча. Одних баранов уйдёт целое стадо. Помогите мне. Я не могу терять ещё один день.

– Свадьба дело хорошее. Но мы по темноте в степь не поедем, – упёрлась Сухарецкая.

Но и водитель не отступал:

– Уже рассвет скоро. Через два часа, когда я вас довезу, совсем светло станет. Марина Юрьевна, помогать молодожёнам – эта святая обязанность всех. Семья – ячейка общества. А вы тоже часть этого общества. Ну люблю я её, можете вы понять?

– Люби, мне то что?

– Ай! Зачем так говоришь? Обидеть хочешь? – ухватившись руками за баранку, жених потыкался в неё лбом: – Вот почему мне так не везёт?

Сухарецкая наконец сжалась:

– Ладно, вези, только при одном условии...

Жандар сразу оживился:

– Хоть при десяти!

– Едешь по правилам и вообще в нашу сторону не отвлекаешься.

– Это два условия. Но я согласен! – он засиял и воздел руки в сторону строгой пассажирки.

– Я сказала: смотри на дорогу.

Водитель всплеснул руками, отвернулся от пассажирки, включил весёлую казахскую музыку, и мы двинулись в путь. Через пару минут я отключился, бессонная ночь взяла своё...

... Разбудила меня жуткая тряска. Напряжённая Виола испуганно вертела головой:

– Это что?

– Очевидно, водитель срезает путь по гладкой казахской степи, – пожал я плечами.

Светало медленно – небо по-прежнему было затянуто тучами.

Саня услышал, что мы проснулись:

– Это секретный путь. Про него мало кто знает. Мне отец его ещё в детстве показал. Через полчаса безумной тряски машина остановилась.

– Как говорят эскимосы: «Кильманда – но пасаран». Что с их тарабарского переводится: «Конец дороги». А попросту – тупик. В казахском языке таких слов нет. В степях не бывает ни конца дороги, ни тупиков. Это единственный, – Жандар внимательно вглядывался в лобовое стекло. – Здесь вам надо выйти – опасное место.

Голова, забитая гулом авиаперелёта и прерванным сном, отказывала соображать. Какое «опасное место»? Кругом степь, слегка освещаемая рассветом. О чём он?

Увидев, что я кручу головой, Жандар пояснил:

– Мы стоим на краю обрыва. Я тихонечко проеду каньон, и вы снова сядете на место. Это быстро. Ну, выходите!

Мы вышли. Фары высвечивали противоположный берег пропасти, дно которой не было видно из-за кромешной тьмы. Вслед за нами выскочил водитель:

– Это наш знаменитый каньон. Не Колорадо, конечно, но вполне глубокий и красивый. Это русло древней реки. Их здесь когда-то текло множество и эти места были благодатными. Раньше здесь жило много счастливых людей, поэтому полуостров и получил название Мэнки-шлак – Земля тысячи поселений. Но затем изменился климат, исчезла вода и люди покинули этот благословенный край.

– И как ты собираешься преодолеть этот каньон? – недоумённо поинтересовалась Сухарецкая. – Не по воздуху же.

– Почти по воздуху, – серьёзно ответил водитель и тут же засмеялся: – Я уже ездил здесь, правда давно и днём. Не беспокойтесь, вы в руках опытного водителя.

На свежем воздухе было прохладно – каменистые пустыни Средней Азии даже в самое жаркое время года остывают чуть ли не до заморозков.

– Возьми фонарик, – Саня ткнул меня в руку.

– Зачем?

– Когда пойдёте пешком через овраг – внизу будет темно. Можете оступиться или не увидеть змею.

– Змею? – испуганно переспросила Виола. – Там змеи?

– Ай! – неопределённо махнул рукой казах. – Какие змеи? Так, стрелки мелкие.

Он сел за руль, и автомобиль стал медленно спускаться по крутому склону.

– Кто такие «стрелки»? – спросила меня будущая звезда кино.

– Понятия не имею? – пожал я плечами и одел фонарик на голову.

Источник света был светодиодным, поэтому направленный луч бил на большое расстояние. При спуске джипа вниз я не видел ничего интересного – задняя часть автомобиля не давала реальной картинки спуска. Внизу на некоторое время машина Жандара вообще пропала из виду – там было совершенно темно и далеко от нас. Зато, когда джип стал карабкаться вверх, фонарь, наконец, стал оправдывать своё предназначение. Было хорошо видно, как, натужно воя двигателем на самой низкой передаче полного привода, машина медленно и упорно взбиралась вверх. Время от времени из-под колёс выплёскивались брызги маленьких и не очень маленьких камней.

– Красиво ползёт, – прошептала моя молодая «подруга».

– Угу, – согласно кивнула Сухарецкая. – Ужас какой-то, даже сердце замирает – такой отвесный склон. Шумахер!

В это время машина упёрлась колесом в большой камень и встала – не смогла преодолеть препону. Саня газанул раз, два, три. На четвёртый раз, выбросив из-под колёс самый большой веер камней, джип всё же взобрался на препятствие. Но тут произошло непредвиденное. Одновременно с колесом, взгромоздившимся на камне, второе переднее колесо буксануло, вырыв небольшую ямку. Этого оказалось достаточно, чтобы джип потерял равновесие. На какое-то

мгновение он замер, стоя на колёсах водительской стороны, но уже в следующий момент резко повалился на бок и со страшным грохотом закувыркался по склону, ища остановку на дне ущелья.

– Господи! – Марина резко зажала руками рот.

– Это что? – испуганно вытаращила глаза Виола. – Нас уже начали снимать?

«Она всё же дура», – мелькнуло в голове. Но я ничего не сказал и бегом бросился вниз. Как джип умудрился спуститься – это для меня осталось неразрешимой загадкой. Здесь любой человек запросто мог себе голову сломать – слишком большой градус уклона. Преодолев небольшое расстояние, я услышал, что следом за мной следуют и мои попутчицы. Камни из-под их ног летели вниз, опережая меня. Я замер, заорав:

– Стойте! Стойте на месте! Вы угрожаете мне или разобьётесь сами!

Повернув голову назад, я увидел в свете фонаря взволнованные лица женщин. Они остановились, как вкопанные.

– Я посвечу вам снизу и скажу, когда можно будет спуститься, – прокричал я и двинулся вниз.

Перевёрнутая на крышу машина покоилась на самом дне каньона. Мотор продолжал работать. Это мне сразу не понравилось: сильно пахло горючкой и было слышно, как, попадая на разогретый коллектор двигателя, шипела жидкость.

Я присел, высвечивая салон машины, и ужаснулся увиденному. Картинка не для слабонервных – весь салон был окрашен в красный цвет. В крови были и лохмотья лопнувшей подушки безопасности. Явно мёртвый Жандар висел на ремне. Голова его была раздроблена о камни, из виска торчал осколок стекла, по которому стекал ручеек крови. Что делать? Надежды на его спасение не было, тем не менее, я попытался открыть водительскую дверь. Куда там! Ничего особо не соображая, я стал бегать вокруг джипа, пытаюсь отворить любую другую дверь. Безрезультатно! Наконец до меня дошло, что я просто идиот: боковое стекло водительской двери отсутствовало. Очевидно, что оно совершенно разлетелось вдребезги при кувыркании автомобиля по склону. С трудом отстегнув ремень, я попытался вытащить тело Жандара через окно. Оказалось, что сделать это не так-то просто. Безжизненное тело парня показалось мне в два раза тяжелее, чем было на самом деле. Да и габариты его словно изменились. За что не потяни – он застревал в окне. Трудно объяснить почему так происходило. Вероятно, для извлечения человека из кабины автомобиля нужен опыт. Но поверьте на слово: такого опыта в жизни лучше не иметь вовсе. В это время до меня долетел голос Марины Юрьевны:

– Фёдор! Нам спускаться?

– Ни в коем случае. Стойте там. А лучше осторожно вернитесь наверх.

В тот же момент я услышал характерный хлопок вспышки бензина: загорелся двигатель. И одновременно с этим вспыхнуло всё, что меня окружало. Вспыхнуло вместе с машиной и несчастным женихом. Как я понял потом, горючее растеклось огромной лужей и под машиной, и под моими ногами. Я буквально выпрыгнул из огня и в три прыжка оказался за огромным валуном, ожидая взрыва. Но традиционного для блокбастеров мега-взрыва не произошло. Просто громко «вухнуло», и свет вспышки озарил все окрестности. Видимо, это вспыхнуло топливо в бензобаке. И тут только я заметил, что у меня горят кроссовки и нижняя часть брюк. Пришлось быстренько стянуть с себя и туфли, и штаны. Башмаки я погасил штанами, штаны потушил песком. Слава богу я не остался босиком и голым до пояса. Хотя в штанинах зияли огромные дыры – это лучше, чем красоваться в каменной пустыне в одних труселях. Как идти босиком по острым камням —тоже проблема из проблем. Правда левый ботинок сильно сужокожился и пожух. Но мне в этот момент было не до него. От объётого пламенем джипа исходил нестерпимый жар. Пришлось ретироваться метров на десять в сторону. О спасении человека или наших вещей не могло быть и речи. В полной прострации я полез наверх.

Женщины с ужасом смотрели на меня, не проронив ни слова. К чему слова – сверху место трагедии просматривалось в деталях и мелочах. Они видели всё. Наконец, Сухарецкая похлопала меня по плечу:

– Ничего нельзя было сделать. Глупо всё, но такова жизнь.

Я машинально нервно дернул плечом, стряхнув её ладонь. Марина понимающе кивнула головой:

– К смерти невозможно привыкнуть, – она тягостно вздохнула и добавила: – Отсюда уходить нельзя. Будем ждать казахских спасателей и полицейских. У тебя есть телефон?

Только теперь я сообразил, что мой смартфон находился в рюкзаке, который я забыл на сидении:

– Нет. А у вас?

– Я не думала, что так произойдёт – естественно, оставила всё в машине, – Сухарецкая повернулась к Виоле. – Надеюсь, ты у нас самая предусмотрительная.

Девушка держала в руках клатч, небольшую сумочку, явно подобранную к её наряду. Много в такой аксессуар модницы не засунуть. Но телефоны девушки обычно кладут именно туда. Звезда ловко раскрыла клатч и извлекла из него дорожный айфон последней модели:

– Кому звонить? – поинтересовалась она.

– Сначала в службу спасения, а затем своим родителям, – проинструктировала её Марина.

Девушка в нерешительности замерла с телефоном в руках:

– А какой здесь номер службы спасения?

– Понятия не имею, – пожал я плечами. – Посмотри в интернете.

Виола попыталась войти в глобальную сеть, но безрезультатно:

– Блин, здесь вообще связь никакая. Одна палочка то появляется, то пропадает.

Она стала ходить кругами в поисках лучшего приёма сигнала. Минут через пять Сухарецкой это надоело:

– Если появится хоть какая-то связь, лучше сразу звони по телефону. Интернет всегда хуже ловится. Набирай «112». Скорее всего здесь всё, как у нас.

Но и звонок по телефону никак не хотел пробиваться. Наконец гудок прошёл, и девушка буквально закричала, как будто от громкости голоса что-то зависело:

– Алё! Алё! Вы меня слышите?

В трубке прозвучало что-то нечленораздельное, возможно по-казахски, но, может, и по-русски.

– Вы слышите меня? – продолжала вопить Виола. – Это служба спасения? Алё?

Наконец ей ответили. Из-за низкого качества связи женский голос говорил прерывисто, но его можно было понять:

– Это единый номер экстренной оперативной службы. Что у вас случилось?

– Мы попали в аварию... Блин, опять отвалилась.

Связь то появлялась, то пропадала. Тем не менее диалог продолжался. Если сложить всё вместе, содержание его было примерно таким:

– Вас плохо слышно. Что произошло?

– Мы попали в аварию.

– На машине?

– Да!

– Где вы находитесь?

– Откуда я знаю?

– Если вы не назовёте место, мы не сможем вам помочь.

– Мы находимся в степи.

– Если бы вы сказали, что находитесь в лесу, я бы смогла понять, где вас искать. Это Казахстан всё-таки. Какой район?

– Я не знаю.

– По какой дороге вы ехали?

– Я не знаю!

– Куда вы ехали?

– Я не знаю!

– Вы там все обкуренные что ли, или хулиганите?

– Нет! Почему вы мне не верите?

– Какая-то цель поездки у вас всё же была?

– Да! Мы ехали на съёмки.

– Вы девушка по вызову?

– Да вы что? Что вы себе позволяете? Я актриса.

«Угу, – мысленно прокомментировал я, – актриса из погорелого театра. И на самом деле из «погорелого». Да, уж, не смешно».

– Хорошо, извините. Но где должны были происходить эти ваши съёмки?

Сухарецкая не вытерпела и забрала телефон:

– Алё, девушка. Вот дьявол, опять отвалилась связь. Алё! Слышите меня?

– Я вас внимательно слушаю.

– Мы не знаем точного места назначения. Об этом знал только водитель. Но он погиб. Тем не менее, мне известно, что съёмки должны проходить на плато Устюрт, в долине каменных красных шаров и в котловине Жыгылган. Чёрт, связи нет!

Она передала айфон мне.

– Аккумулятор сел, – констатировал я и язвительно уставился на свою партнёршу по съёмкам: – Ещё бы! Она весь полёт не отрывалась от экрана. Вот что за болезнь: круглые сутки пялиться в монитор?! Болезнь блондинок и прыщавых пацанов.

Виола неожиданно громко парировала, брызгая слюной мне в лицо:

– А твой телефон где? Я-то хоть и разряженный, но всё же догадалась из машины прихватить. А некоторые слишком умные кинозвёзды даже на такое не способны. Умник!

– И что толку, что ты его прихватила? Теперь таскай по этой каменной пустыне. А я налегке пойду. Красотка!

– Всё, брейк! – Сухарецкая развела нас руками. – А то сейчас вцепитесь друг в друга. Лучше давайте решим, что нам делать дальше. Есть хоть какие-то мысли по этому поводу?

Да, на вид всё просто и очевидно, но вопрос, всё же, не из разряда досужих. Первые мысли по этому поводу высказала Виола:

– Я думаю, что нам надо ждать.

Я вновь взорвался:

– Чего ждать? Когда твой папочка прилетит в розовом, украшенном стразами вертолёте? Блонди!

– Да хотя бы и так! – «обожаемая» мной партнёрша тоже не сдерживала себя, по крайней мере в громкости голоса. – А, может, служба спасения определит наше место по звонку. Дебил!

– Ага! Они уже сейчас сориентировали всю спутниковую группировку мира на это место, кучей столпились у мониторов и восхищаются твоим гламурным видом и красотой! Помашим в ответ своими фальшивыми ресницами!

– Ша! – Марина вновь сделала характерное для рефери по боксу движение рук. – Разойдитесь по углам! Ты что предлагаешь? – ткнула она пальцем в мою грудь.

– У нас нет пищи. А сколько придётся ждать – неизвестно. Судя по слабым следам этой партизанской тропы контрабандистов, здесь мало кто ездит. Возможно, Саня и был тем единственным сумасшедшим водилой, который накатал эту колею, – указал я на слабые следы степ-

ной дороги. – Но пища – это полбеда. Полная беда придёт тогда, когда в ближайшие три часа нас не спасут. Днём мы сгорим на солнце, а ночью замёрзнем. Это сегодня утром мы погрелись рядом с горячей машиной. А завтра? И на чём мы будем спать? Стоя как лошади? Земля ночью станет ледяной.

Марина молча кивала головой. Виола уставилась куда-то в горизонт и, как мне показалось, слушала космическую музыку, передаваемую ей лично по межгалактическому каналу связи. Никто не перебивал, поэтому я продолжил излагать реальную правду нашего будущего бытия:

– И самое страшное – это отсутствие воды. Уже к обеду мы вкусим все прелести, в кавычках, наслаждения умирающего от жажды человека. Это страшное состояние. Как медицинский работник я уверенно могу констатировать – наши мучения будут жуткими. Описать симптомы умирающего от жажды?

– Не надо. Ещё что-то?

– Да вроде – нет. Я достаточно аргументировал свою позицию.

– Угу, угу, – Сухарецкая сделала шаг в сторону, заломила руки за спину и развернулась к нам лицом: – Обе позиции имеют под собой достаточно крепкое основание. Но одно исключает другое. Поэтому, когда выяснится, что мы приняли неверное решение, воплей с вашей стороны не избежать. Предлагаю, чтобы не допускать будущих эксцессов, проголосовать. Это серьёзное решение. Оно касается нашего здоровья, а, возможно, и жизни. Согласны? – мы дружно кивнули, – Голосуем: кто за то, чтобы вернуться к шоссе?

Я вытянул руку и не отпускал её, всё время задирая выше и выше.

– А кто за то, чтобы ждать помощи на месте?

Виола, видя, что Марина не проголосовала вместе со мной, аккуратно приподняла свою холёную ручку и язвительно уставилась на меня, скорчив противную гримасу. Но Сухарецкая не выказала женскую солидарность. Вернее, не выказала её так, как ожидала Виола.

– Трудно принимать чью-то сторону. Сложный выбор. Я предлагаю остаться и ждать, – гламурная партнёрша сложила ручки на груди и смотрела на меня торжествующим взглядом, явно выразившим вопрос-посыл: «Что, съел?». – Но ждать только до двух часов дня. Если никто не появится к этому времени, возвращаться к шоссе, – она указала на выщербленную в каменистой степи колею.

Эпизод девятнадцатый

В краю аспидов

И мы остались. Сначала мы сидели на камнях на краю оврага и смотрели, как догорает машина. Нам не очень-то хотелось созерцать это мрачное зрелище. Но деваться было некуда. Только в небольшом радиусе вокруг сгоревшего джипа камни были хоть немного тёплыми. Чуть в стороне – практически ледяными. А просто так стоять столбом несколько часов трудно. Ноги не казённые. Через пару часов, когда камни, разогретые пожаром, остыли, а остальные ещё не нагрелись солнцем, нам всё же пришлось принять вертикальное положение. Но затем солнце нагрело всю пустыню, и мы могли сидеть на любых каменюгах. К обеду они уже подпаливали наши мягкие округлости. Просто так на них уже было не присесть. Солнце не просто нагрело пространство – оно осветило жизнь. Сначала мы увидели ящерок, взбирающихся на возвышенности, чтобы прогреть свои остывшие за ночь хладнокровные тела. Следом появились насекомые и пауки. А уже затем Виола своим визгом распугала всю эту незамысловатую пустынную жизнь:

– Змея! – при этом она отпрыгнула и спряталась за мою спину, ухватившись за крепкие мужские плечи.

Угу, куда подевались все твои понты? И кто ты после этого? Ясно кто: обыкновенная внутримкадовская красотка, считающая, что она предел совершенства и весь мир создан таким, каким она его видит с детства.

Сухарецкая практически не шелохнулась, когда змея проползла в метре от её ног. Ползучая тварь, то ли была глухой, то ли слишком вялой после холодной ночи, то ли решила, что не сможет проглотить никого из нас целиком. Скользя узким и длинным телом, она шустро скрылась за большим камнем. Марина Юрьевна равнодушно произнесла:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.